

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-176-181
УДК 82:801.6

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ПОЭЗИИ Р. ХАРИСА

© Флера Сайфулина, Нурфия Юсупова

INTELLECTUAL TREND IN THE POETRY OF RENAT KHARIS

Flera Sayfulina, Nurfiya Yusupova

The article studies an intellectual tendency in the poetry of R. Haris. The relevance of the study is due to a lack of studies that examine the intellectual tendency in the poet's lyrical and lyrical-epic works, and the need to identify specific features of the intellectual tendency in certain works by Renat Haris. The object of the research is poetic texts, in which the intellectual tendency occupies a significant place, and its stylistic and poetic features.

The scientific novelty of the work is determined by a different approach to the study of lyrical and lyrical-epic works by R. Kharis: the study focuses on identifying the stylistic and poetic features of the intellectual tendency in the poet's works, as well as the peculiarities of his imaginative thinking. A structural and semiotic analysis of poetic texts makes it possible to highlight new facets not only in the poet's work, but also in the development of Tatar poetry in the second half of the 20th – early 21st centuries.

The study concludes that the intellectual tendency in the works of R. Kharis has become the basis of a new type of artistic style and poetic thinking. The poet enriches Tatar poetry with philosophical motifs, other stylistic, genre features and imaginative thinking, a new type of a lyrical hero, and transforms it within the framework of a non-classical paradigm.

Keywords: intellectual tendency, poem, R. Kharis, lyrical poetry, lyrical hero, image.

В статье раскрываются особенности раскрытия интеллектуальной тенденции в поэзии Р. Хариса. Актуальность исследования обусловливается малоизученностью интеллектуальной тенденции в лирических и лиро-эпических произведениях поэта и, следовательно, потребностью выявления специфических особенностей интеллектуальной тенденции на материале отдельных произведений Рената Хариса. Объектом исследования являются поэтические тексты, в которых значительное место занимает интеллектуальная тенденция и присущие ей стилистические и поэтические особенности.

Научная новизна определяется иным подходом к изучению лирических и лиро-эпических произведений Р. Хариса: в ходе исследования акцентируется внимание на выявление стилистических и поэтических особенностей интеллектуальной тенденции в произведениях поэта, а также особенностей его образного мышления. Структурно-семиотический анализ поэтических текстов даст возможность выделить новые грани не только в творчестве поэта, но и в развитии татарской поэзии второй половины XX – начала XXI века.

В ходе исследования утверждается, что интеллектуальная тенденция в творчестве Р. Хариса становится основой нового типа художественного стиля, поэтического мышления. Поэт обогащает татарскую поэзию философскими мотивами, иными стилистическими, жанровыми особенностями и образным мышлением, новым типом лирического героя и трансформирует ее в рамках неклассической парадигмы.

Ключевые слова: Р. Харис, лирика, лирический герой, образ, интеллектуальная тенденция, поэма.

Ренат Харис – один из поэтов, внесших огромный вклад в развитие татарской поэзии второй половины XX – начала XXI века. Он приходит в поэзию в шестидесятые годы и вскоре становится поэтом, который ищет свой стиль, своеобразные приемы выразительности, как отмечает Т. Галиуллин, «поклонником пера философского склада, стремящийся к раскрытию как душевных

переживаний, так и работы мысли; поднимающий и раскрывающий современные проблемы нравственности через обращение к истории, использование особенностей языковых узоров, неожиданных метафор, стремящийся раскрыть философские основы жизни» [Галиуллин, с. 109]. Для представления своих философских размышлений, которые не «ложатся» в традиционные

формы, Р. Харис предлагает новые формы, «подтачивая» аналитический, философский склад размышлений. Обновляя традиции авангардной поэзии, он стремится к созвучию поэтической формы и содержания, обращается к образному мышлению, метафоричности, использованию символов, условных образов, свободной форме изложения: интонационному стиху, белому стиху; обогащает татарскую поэзию, создавая лирического героя в новом статусе.

Обновленческий процесс в творчестве поэта связан с развитием интеллектуальной тенденции в татарской поэзии того периода. Анализ творчества Р. Хариса на этой плоскости дает возможность проследить новые тенденции развития в его поэзии, а также в современной татарской поэзии в целом, доказывает звучание его произведений на уровне мировой литературы.

Литературная критика отмечает, что 1970-е годы характеризуются активизацией философского начала в лирике: отмечается усиление созерцательного начала в поэзии, усложнение образов в раскрытии духовного мира лирического героя, стремление к более полному раскрытию мыслительной деятельности человека, умозаключения, усиление интеллектуального начала как особого течения.

Именно в эти годы также и в русской прозе наблюдается усиление интеллектуального начала, то есть актуализация процесса поиска в субъективном мире человека возможностей противостоять мировым катаклизмам [Лейдерман, с. 130–136]. И. Р. Ратке указывает на преобладание этого процесса над отдельными национальными литературами и литературными направлениями в целом [Ратке, с. 12].

Также и в национальной литературе интеллектуальная поэзия стремится решать актуальные проблемы общества на литературном материале, анализирует состояние мира, бытия. В результате начавшегося в данные годы духовного кризиса, застоя в обществе интеллектуальная тенденция смещает внимание автора не столько к душевным переживаниям человека, сколько к его мысли, интеллектуальным возможностям, обновляя таким образом пути противостояния им. Поэты ищут ответы на вопросы: «Способны ли, личности, имеющие свои представления, цели, идеалы, преодолевать пороки общества, жизни? В связи с этим усиливается дух анализа, в поэзии выдвигается аналитическое мышление, в художественном мышлении часто обращается к условности. Как отмечает Н. Юзиев, в таких поэтических произведениях «нельзя противопоставить душевную лирику с философской: они дополняют друг друга» [Юзиев, с. 138].

Интеллектуальная тенденция включает в себя образ времени, приемы условности, мудрую речь, фразеологические высказывания; в таких произведениях наблюдается усиление философского, концептуального начала, объединение в структуре одного литературного произведения двух наслоений: изобразительного, сюжетного и метафизического. Таким образом, автор превращает сюжет в загадку и оставляет читателя решать ее самому.

Кроме того, в литературе наблюдаются такие черты, как смешение временных рядов, включение в реалистический сюжет элементов мифологии или фольклора (новелла, легенда, древний мифический сюжет, фантастические персонажи, вступающие в контакт с реальными героями) [Лейдерман, с. 130–136].

Д. Загидуллина отмечает, что интеллектуальная литература на национальной почве насыщается философско-психологическими, общественными, нравственными чертами: «в произведениях, написанных в поисках универсальных законов бытия, осмысливая и представляя их читателю, на первый план выдвигается образ автора-рассказчика. Обращение интеллектуального начала к гротескным формам, сатирическому пафосу приводит к появлению произведений, обращенных к советскому обществу с сильной критикой, создававшие антиутопический мир. Ирония в таких произведениях переплетается с философией боли о бессмысленности человеческой жизни, об исчезновении милосердия и человечества» [Загидуллина, с. 8].

Интеллектуальная тенденция в татарской поэзии проявляется именно в поэзии Р. Хариса, так как его стихи и поэмы построены на интеллектуальных приемах. «Именно с такой всеобъемлющей целью в поэзию пришла целая плеяда поэтов – Равиль Файзуллин, Ренат Харис, Рустам Мингалимов, Радиф Гатауллин, Гарай Рахим и др., стремящиеся естественным образом воплотить мысль в стихотворном материале, превратить ее в языковую ноту поэзии, в настоящий инструмент познания» [Мансуров, с. 149], – пишет З. Мансуров.

Качество интеллектуальности лирики Р. Хариса раскрывается в связи с концепцией личности, в поэтических произведениях основное внимание уделяется не душевным переживаниям, а познавательным, умственным возможностям человека, начинается поиск путей противостояния ситуации в обществе, в жизни, в собственных, личных возможностях, сознании человека [Юсупова, с. 265]. Такие поиски, свойственные интеллектуальным тенденциям, выдвигались и в поэзии Р. Хариса, приводя к формированию свое-

образного лирического героя. «Возрождение поэзии идет вместе с возрождением личности, вернее, духовное возрождение ведет к возрождению поэзии» [Бочаров, с. 41], – отмечает А. Бочаров. Эту мысль можно подтвердить и на примере творчества Р. Хариса. Такой герой помогает сформировать новую идею, новую концепцию жизни: сущность мира, законы существования определяет человек, роль движущей силы выполняет человеческий разум: в его произведениях сильна антропологическая философия. Концепция личности, привносимая поэтом, легла в основу татарской интеллектуальной поэзии 1960–80-х годов. Этот лирический герой живет высокими стремлениями, верит в возможность изменить мир, бытие, возвышает ум. В дальнейшем приемы интеллектуальной тенденции проникают и в область образного мышления; усложняется и обогащается структура произведений.

В 1983 году вышла в свет поэма Р. Хариса «Седлание коня», проникнутая общественным настроением, глубоким проникновением в самые глубинные слои человеческой мысли. В сюжете поэмы реализуются два направления: в реалистической сюжетной линии описывается, как конь, принадлежащий Караму, отправился на войну и сбежал, вернулся домой, после чего на войну уходит сам Карам и возвращается на Родину победителем. Главный герой поэмы Карам раскрывает свои глубокие тайны коню, сбежавшему с войны, сообщает, что его сын остался лежать на украинской земле. После чего конь, как в сказке, рассказывает о том, как он спасся от страшной войны. Таким образом, здесь в сюжетную канву вступает другая сюжетная линия – ирреальная: поэт переходит к изображению развития, изменения течения мысли, происходящего в сознании человека.

Данный второй слой, скрытый за сюжетной канвой, понимается как метафора первого и раскрывается через фразу «В сердце джигита – оседланный конь». В татарском фольклоре важнейшим атрибутом мужчины является конь, всадник известен как символ храбрости, как семантическая схема, пришедшая со времен древних гуннов. Многие жанры фольклора подтверждают это мнение: в сказках юноша, потерявший коня, попадает в беду, в народных песнях «для мужчины крылья – это его конь», и в пословицах конь приравнивается к сердцу юноши («В сердце джигита – оседланный конь»).

Таким образом, конь становится критерием, оценивающим мужчину. Разговор лирического героя со своим конем понимается как погружение в самые глубокие, потаенные уголки собст-

венной души, как недовольство, спор с самим собой. Метафорический, ирреальный пласт от начала до конца произведения переплетается с реальной сюжетной линией поэмы и основывается на процессе возвращения человека к своей сущности. От раздумий, от признания своей неправоты, предательства перед самим собой, своей Родиной герой краснеет «как стыд», бледнеет «как недоумение» и делает вывод о том, что в его сердце лежит не этот трусливый конь, а запряженный конь, готовый к бою. Произведение «Седлание коня», таким образом, не описание эпохи войны, в нем поднимается актуальная в каждой эпохе и звучащая по-своему в каждую эпоху проблема о поиске и утверждении человека в самом себе.

В произведении «Художник», основанном не на развитии сюжета, а на развитии чувств, описательный сюжет не наблюдается. Поэт отдает предпочтение предметному изображению, плотной метафорической образности, «рисует словами». В поэме появляются два ассоциативных ряда, первый из которых раскрывается в связи с прекрасной девушкой, пришедшей в мастерскую художника, которая раскрывается в связи со страной, разрушенной после войны, с землей, ожидающей дождя, но они не образуют сюжетной линии, а помогают к переходу ко второму, ассоциативному ряду.

Художник создает на холсте живую человеческую фигуру, для него девушка прежде всего отождествляется с «божественной чистотой, ставшей телом», с «непревзойденной красотой, которая может быть матерью героев». Однако грех, совершенный девушкой, уничтожает магический образ, грех вызывает ассоциации с войной и образует второй ассоциативный ряд.

Переход происходит через «душу художника» и отражается в виде изображения на холсте.

«И увидел душу свою –
Обессиленную родную страну,
Свой котел, перелатанный,
Грязную мастерскую,
Все, все вокруг...»¹ [Харис, 2005, с. 101].

Душа художника выполняет роль определителя состояния земли и создает ассоциативный мир. Развитие мысли автора обеспечивает сюжетную изменчивость, воображаемые явления, ассоциирующиеся с явлениями реального мира, выводят вечные вопросы за рамки определенного периода и позволяют проследить их историческую преемственность.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш – Ф.С.

Р. Харис использует метод «проекции», который удваивает реальность. Если, с одной стороны, через осязаемо-чувственные образы, наполненные сложными проблемами, вытесняющими друг друга, описывается большой мир в его реальной целостности, то, с другой стороны, только что прошедшие перед нами события и явления пронизаны ассоциативным чутьем, видением художника, вдохновленного стремлением к совершенству, украшению жизни, духовного мира. Интеллектуальное начало находит воплощение через синтез реальных и ассоциативных явлений. Р. Харис задается вопросом: «Может ли человек противостоять безнравственности, нечистоплотности этого мира?» – до уровня проблемы и, восстанавливая изображение прекрасной девушки, отвечает: «Да».

Сюжетная линия поэмы Р. Хариса «Клятвенная чаша», заслуживающая особого внимания с точки зрения отражения интеллектуальных тенденций, объединяет два временных ряда. Историческое время освещает договор 985 года между Русью и Болгаром, описывает предательство Суварского царя, поход Владимира на Болгарию, заключение договора Мухаммедом, который в своем решении учитывает необходимость ответить добром и тому, кто «хочет бросить в него камнем». С помощью условных приемов в поэме прослеживается смешение времен.

Хотя произведение основано на историческом сюжете, основная мысль передается в интеллектуальной сюжетной цепочке, где на первый план выходит образ автора-рассказчика. Основная мысль раскрывается через народную поговорку «татар башын татар ашар» («татарин уничтожит татарина»). Татарский народ сам «подставляет подножку» своей истории: с одной стороны, его сыновья предают ее, с другой – народ не замечает этого коварства, и «...болгарский хан спит. Спит история, связанная с судьбами нескольких народов», то есть основная мысль раскрывается не с помощью развития сюжета, а с помощью рассуждений, как это свойственно интеллектуальной литературе. Это является прекрасной находкой для автора. Такие же качества получили продолжение и развитие в таких поэмах Р. Хариса, как «Харут и Марут», «Волчий глаз», «Любовные сны Тукая», «Уба» («Пропась»).

Поэма «Уба» («Пропась») (2017) представляет собой синтез структурно разнородных пластов. Этот синтез позволяет соединить в рамках одного произведения политико-мифологические детали, политико-общественную мысль через образ вождя – идеологию и человеческую судьбу, трагедию, пережитую народом, и связанные с

этим философские вопросы о смысле жизни. Слияние ассоциативных рядов достигается благодаря интертекстуальности – связи литературного текста с другими текстами внутри себя. Поэт помещает в канву произведения тексты песен о Сталине, фразы, употребляемые в качестве политических лозунгов, пишет о внутренних противоречиях лирического героя, способах разрушения мифа. Сюжет, связанный с пытками в тюрьмах ГУЛАГа и соперничеством, представляет собой лишь первый слой событий.

Во вторичном ассоциативном ряду поэт начинает говорить о влиянии трагедии той эпохи на судьбы людей, о том, как эти кровавые годы хранятся в памяти поколений. В связи с этим образ Убы (пропасти) также приобретает статус сложной символической целостности: сначала он воспринимается как начало в жизни отдельного человека, далее, развиваясь, переносится на историю страны, глубины памяти, глубины мрачных трагедий:

«А эта пропасть, с первого взгляда – яма,
С другой стороны посмотришь – таинственная
глубина...
Стою, глядя в пропасть,
сам изучая свою душу.
То ли там, то ли в беспокойной душе,
Как будто работает тот трактор...
Мой друг, испугавшись прошептал:
„Держись подальше от этой пропасти!..“» [Харис, 2017, с. 9].

Качество «интеллектуальности» развивается и в лирике поэта. Сравнения, неожиданные повороты, сложные сравнения, наложение, сближение, нахождение смысла одного явления через другого, раскрытие с помощью третьего – характерные черты лирического мышления Р. Хариса. С помощью этих приемов поэт передает внутреннее состояние лирического героя, раскрывает особенности философского мышления. Его лирике присуща одна из черт, присущих интеллектуальной поэзии, – «игра» со временем. С точки зрения передачи Времени интересно стихотворение «Время течет». Как следует из названия, наиболее характерным для поэтического времени является указание на его быстротечность.

«Через меня
Время течет.
Волны ударяют.
Куда течет Время?» [Харис, 2005, С. 79].

Отождествляя текущее Время и текущую воду, Р. Харис противопоставляет Жизнь человека и Вечность и подчеркивает продолжительность и превосходство вечности.

Способность времени меняться и тот факт, что это изменение не в пользу человеку, вызывают у автора одновременно чувство отчаяния и тоски. В отношении к образу времени формируется основная мысль: Время обладает силой влиять на человека, изменять его. Таким образом, Время – это не только признак быстротечности жизни человека, но и возможность отражения его развития в течение этой жизни («...На волосах моих – от черного до белого...»).

Образ Времени, характерный для Р. Хариса, отождествляется с человеком, даже в некоторых случаях Человек ставится выше Времени. В стихотворении «Вышиваю, шью», написанном в 1967 году, он рассматривает образы поэта того времени как параллельные, но неотделимые друг от друга понятия. «Время – нить, // Я – игла...» – таким образом лирический герой поэта соединяет небо и землю с помощью времени.

Вышивка, шитье небесно-голубого цвета на фоне земли, читается как творчество самого поэта. Философичность усиливается и тем, что поэт опирается на символические образы-выражения, утверждает жизненное видение молодого поэта. В этом случае он ставит себя в одну плоскость со временем, видит его своим помощником.

Наиболее оригинально стихотворение «Время молодости». В этом стихотворении раскрывается новый тип отношений Время – Человек:

«И чувствую, болезненно чувствую —
Отдаляется расстояние.
Превращая расстояние в рану,
Время молодости проходит!» [Харис, 2005, с. 128].

Здесь отражается циклическое время, которое помогает разделить жизнь человека на этапы. Достигнув преклонного возраста, мудрый лирический герой понимает, что его жизнь угасает и он стареет. Он достигает Истины, заключающейся о том, что возможности человека чрезвычайно ограничены по сравнению со временем. И эта истина вызывает у лирического героя чувство боли. В произведении «Бесконечная сила» время дается через сравнения. Объектами сравнения являются спички (можно спастись от темноты), солнце (можно спастись от ночи) и костер (можно спастись от холода); лекарство (можно спастись от смерти...). Рядом с ними Время – непобедимая, вечная неисчерпаемая сила, поскольку время может выполнять функции всех элементов: давать солнечный свет, тепло души и, самое главное, Время исцеляет.

«Бесконечная сила присуща только
Единственной Силе —

Времени! Только Времени!» [Харис, 2005, с. 12].

Здесь, в поэзии религиозной философии, возникает связь времени со Всевышним, сила времени поднимается на новую ступень. Открывается новое качество образа времени: его способность переходить от целого к части и от части к целому.

Стремление к интеллектуальным тенденциям придает большое место ассоциативной образности. К примеру, если обратимся к стихотворению «Черный круг», построенному на многослойной, многозначной метафорико-символической образности, напоминающей поэтические загадки, составленные поэтом для решения самому подготовленному читателю, то увидим, что в стихотворении остаются актуальными неожиданные повороты в использовании художественных средств: сложные сравнения, наложения, нахождение смысла одного явления от другого, раскрытие с помощью третьего – особенность лирического мышления Р. Хариса.

В стихотворении «Черный квадрат» Малевича изображение, выполняя роль поэтической метафоры, черные, зеленые, желтые и розовые линии поднимаются на вершину оценки бытия, отдельных моментов человеческой жизни. Через призму черного / бесконечности автор уточняет вечность, границы вечности / каждодневного определяет разум:

«...И снова погружается в темноту...
На той стороне – Бесконечности!..
На этой стороне бесконечности
Держит нас установленный Разумом предел...»
[Харис, 2014, с. 6]

По мнению поэта, человек на протяжении всей жизни непрерывно стремится к вечности, которая не может быть познана разумом, и это стремление формирует круговорот в жизни человека.

Таким образом, интеллектуальная тенденция в творчестве Р. Хариса определяется такими чертами, как синтез реальных и ирреальных пластов, создание ассоциативных рядов, отклонение от требований времени, обращение к фольклорным элементам и стремление к поиску универсальных канонов, выводящих образ автора-рассказчика на первый план. Он обогатил творчество поэта новой концепцией лирического героя, привнес в его произведения особый стиль образного мышления.

Список литературы

Бочаров А. Покушение на миражи // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 40–77.

Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986): Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 296 с.

Ратке И. Р. Русская интеллектуальная проза 20-х годов XX века (Б. Пильняк, Е. Замятин, В. Набоков): автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

Галиуллин Т. Н. Шәхесне гасырлар тудыра. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 192 б.

Зәһидуллина Д. Ф. Яңа дулкында (1980–2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). Казан: Мәгариф, 2006. 255 б.

Мансуров З. Бүгенге поэзия турында сөйләшү // Казан утлары. 1979. № 3. 149 б.

Харис Р. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 265 б.

Харис Р. Уба // Казан утлары. 2017. № 12. Б. 8–10.

Харис Р. Кара түгәрәк // Казан утлары. 2014. № 2. Б. 6.

Юзиев Н. Бүгенге поэзия турында сөйләшү: халыкчан, партияле һәм югары художестволы шигърият өчен // Казан утлары. 1979. № 3. Б. 137–139.

Юсупова Н. М. Поэзия: 1960–80 нче еллар // Татар әдәбеты тарихы: 8 томда. Т. 6: 1960–80 нче еллар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. Б. 245–271.

Galiullin, T. N. (2003). *Shäxhesne gasyrlar tudyra* [Identity is Created by Centuries]. 192 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Iusupova, N. M. (2018). *Poeziia: 1960–80 nche ellar* [Poetry: The 1960s–1980s]. Tatar әdäbity tarikhy: 8 tomda. T. 6: 1960–80 nche ellar. Pp. 245–271. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Iuziev, N. (1979). *Bygenge poeziia turynda söйләshy: khalykchan, partiiale һәм iugary khudozhestvolы shig"riiat öchen* [Talking about Today's Poetry: Folk, Party and Highly Artistic Poetry]. Kazan utlary. No. 3, pp. 137–139. (In Tatar)

Kharis, R. (2014). *Kara tygäräk* [A Black Circle]. Kazan utlary. No. 2, p. 6. (In Tatar)

Kharis, R. (2005). *Sailanma әsärләр* [Selected Works]. 265 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharis, R. (2017). *Uba* [Uba]. Kazan utlary. No. 12, pp. 8–10. (In Tatar)

Leiderman, N. L. (2001). *Sovremennaiя russkaia literatura: V 3-kh kn. Kn. 2: Semidesiatye gody (1968–1986): Uchebnoe posobie* [Contemporary Russian Literature: In 3 Vols. Book 2: The Seventies (1968–1986): A Study Guide]. 296 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

Mansurov, Z. (1979). *Bygenge poeziia turynda söйләshy* [Talking about Today's Poetry]. Kazan utlary. No. 3, 149 p. (In Tatar)

Ratke, I. R. (2005). *Russkaia intellektual'naia proza 20-kh godov XX veka (B. Pil'niak, E. Zamiatin, V. Nabokov): avtoref... kand. filol. nauk* [Russian Intellectual Prose of the 1920s (B. Pilnyak, E. Zamyatin, V. Nabokov): Ph.D. Thesis Abstract]. Volgograd, 23 p. (In Russian)

Zahidullina, D. F. (2006). *Iaңa dulkynda (1980–2000 ellar tatar prozasynda traditsiiälär һәм iaңachalyk)* [On a New Wave (Traditions and Novelty in Tatar Prose of 1980–2000)]. 255 p. Kazan, Mägarif. (In Tatar)

References

Bocharov, A. (1988). *Pokushenie na mirazhi* [An Assassination Attempt on Mirages]. Voprosy literatury. No. 1, pp. 40–77. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Сайфулина Флера Сагитовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Flera.Sajfulina@ksu.ru

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Sayfulina Flera Sagitovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Flera.Sajfulina@ksu.ru

Yusupova Nurfiya Marsova,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru